

Керстин Гир

ЗАМОК В ОБЛАКАХ

Роман

МОСКВА
2018

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)
Г51

Перевод с немецкого
Татьяны Лавровой

Гир К.

Г51 Замок в облаках: роман / Керстин Гир ; пер. с нем. Т. Лавровой. – М. : ООО «Издательство Робинс», 2018. – 376 с.

ISBN 978-5-4366-0529-6

Фанни Функе считает себя неудачницей: школу не окончила, с родителями поссорилась и фактически сбежала из дома, поступив на годовую практику в старинный швейцарский отель «Шато Жанвье», который все называют Замок в облаках. Под Новый год в отеле яблоку негде упасть: сюда съехались сливки общества, в том числе семья загадочного русского олигарха, американский денежный мешок с многочисленными родственниками и специалист по драгоценным камням из Лондона, которого сопровождает обаятельный внук с замашками грабителя. Что привело их сюда? Действительно ли они те, за кого себя выдают? И главное – кому из них можно доверять? Пытаясь выяснить это, Фанни оказывается в эпицентре невероятных событий...

Детектив накладывается в книге на историю о Золушке в современных реалиях, а главная героиня смотрит на происходящее с присущим ей чувством юмора и здравым смыслом.

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)

Original published as: Kerstin Gier «Wolkenschloss»
© 2017 S. Fischer Verlag GmbH, Hedderichstr.
114, D-60596 Frankfurt am Main
© ООО «Издательство Робинс», перевод,
издание на русском языке, 2018

Все права защищены.
Любое копирование разрешено только
с письменного согласия правообладателей

ISBN 978-5-4366-0529-6

Лукаво улыбаясь, или От переводчика

Дорогие друзья!

Перед вами книга, которая прекрасно подойдёт для чтения на каникулах, книга не слишком серьёзная, лёгкая, хрустящая и сладкая, как безе.

Но не в этом её соль, простите за невольный каламбур. Не в этом её обаяние.

Главная героиня книги Фанни Функе смотрит на окружающий её мир и, прежде всего, на себя с известной долей иронии. Что в общем непросто, если тебе семнадцать лет, если ты впервые уехала из родительского дома (и не без веской причины), если ты можешь рассчитывать только на себя и тем более если у тебя такой характер, что с тобой регулярно что-нибудь случается. То колготки сползают, то сбегают дети гостиничных постояльцев, порученные твоим заботам, то у милой пожилой дамы пропадает кольцо в твоё дежурство, то молодой человек, который тебе ужасно нравится, ведёт себя совершенно невразумительно.

У Фанни есть одна счастливая черта: она не принимает слишком уж всерьёз ни все эти ежедневные маленькие катастрофы (и большие, настоящие катастрофы – тоже, заметим в скобках), ни себя саму. Именно поэтому она в состоянии справиться с любыми проблемами, каковы бы

они ни были. Её чувство юмора и стоящий за ним здравый смысл – её точка опоры и спасательный круг.

«Замок в облаках» – это история о Золушке, перенесённая в наши дни. Но, на мой взгляд, главное в ней не то, что скромная и трудолюбивая героиня в очередной раз получает по заслугам, а её лёгкое отношение к жизни и эта лукавая улыбка героини: не следует принимать свои горести всерьёз – и всё в конечном итоге сложится как надо. Вспомним Мюнхгаузена из замечательного фильма Марка Захарова: «Умное лицо – это ещё не признак ума, господа. Все глупости на земле делаются именно с этим выражением лица. Улыбайтесь, господа. Улыбайтесь!»

Приятного вам чтения!

*Татьяна Лаврова,
переводчик этой книги*

Совершенно обессилевшая, я снова стояла по колени в снегу. Из бального зала доносились чудесные звуки скрипок. На шее висел чужой бриллиант весом в тридцать пять карат, а на руках лежал ребёнок без чувств. Тоже чужой.

К тому же в суматохе, как Золушка, я потеряла туфельку.

Говорят, что в чрезвычайных ситуациях в организме вырабатывается столько адреналина, что не чувствуешь ни холода, ни боли, но на самом деле это не так. Боль от раны в плече пульсировала, словно живое существо. Кровь, капавшая из пулевого отверстия, стекала по руке, окрашивая снег алым, а голая нога стыла на морозе. От напряжения – ребёнок был тяжёлый – мои руки и плечи болели, но я не осмеливалась перехватить девочку поудобнее, чтобы она не проснулась: её плач выдал бы наше местонахождение преследователям.

Говорят также, что в минуты опасности голова начинает мыслить с необычайной ясностью. Про себя я так не могла сказать: я уже совершенно перестала понимать, кому можно доверять, а кто желает мне зла. Единственная ясная мысль, мелькавшая в моей пустой башке, заключалась в том, что если к пистолету присобачить глушитель, выстрела, оказывается, действительно не слышно.

А ещё – что на свете явно существуют более подходящие моменты для поцелуев.

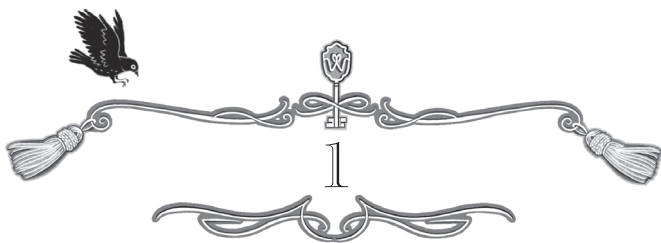
Я понятия не имела, был ли юноша, поцеловавший меня, моим другом или врагом. Тем не менее его поцелуй прибавил мне сил.

– Я мечтал об этом с тех пор, как впервые увидел тебя... – прошептал он.

Bienvenue!
Welcome! Benvenuto!
Добро пожаловать!

ЗАМОК В ОБЛАКАХ

Желаем приятного отдыха!

Мой первый рабочий день в качестве няни грозил обернуться катастрофой.

– Несомненно, ты самая плохая няня на свете, Фанни Функе, – заявил Дон, когда я пронеслась мимо него, голося: – Мальчики! Это уже не смешно! Пожалуйста, вернитесь!

– *«Пожалуйста, вернитесь! Иначе меня с треском уволят!»* – передразнил меня Дон.

Скорее всего, всё к тому и шло. А ведь я отвлеклась всего на минутку! В своё оправдание я могла сказать лишь одно: потерять из виду детей, одетых в белые куртки, белые лыжные штаны и белые шапки, гораздо проще, чем кажется. И вообще, следовало бы принять закон, запрещающий одевать детей таким образом. Я понимала, что далеко они уйти не могли: сверкающая снежная пелена вверх по склону оставалась нетронутой. Однако здесь, с западной стороны отеля, укромных мест, где могли спрятаться маленькие хитрюги, к сожалению, хватало. Сугробы причудливой формы, отдельно растущие деревья, поленницы дров и выступы строений представлялись идеальными укрытиями.

Солнце слепило глаза, и я сощурилась. К вечеру и на рождественские праздники синоптики обещали снегопад, но сейчас небо всё ещё было ярко-голубым, а снег сверкал ярче мансардных окошек и башенок, крытых медью. Внизу, в долине, со вчерашнего утра лежал густой туман. Именно

из-за разницы высот и выгодного расположения над облаками отель и прозвали Замком в облаках.

– Какая тишина! Даже странно, правда? – Дон Буркхардт-младший не преминул напомнить мне, что сейчас не лучший момент любоваться альпийскими красотами. – Может быть, бедные малыши уже замёрзли...

Дон сидел на больших санях – на них ко входу в подвал доставляли дрова – болтал ногами и лизал мороженое в вафельном стаканчике, которое он, похоже, добыл на кухне. Дрова, лежавшие на санях, он, недолго думая, выкинул в снег прямо перед табличкой:

Добро пожаловать в «Шато Жанвье»!

Его мороженое навело меня на мысль.

– Ау, мальчики! Хотите вкусного мороженого? – позвала я.

Ничто не шелохнулось.

Довольный Дон захихикал:

– Не нужно было пренебрегать своими обязанностями и отвлекаться на того чеха-сезонника, Фанни Функе.

– Собери-ка лучше дрова, а то тебе попадёт, – ответила я.

Хотя для своих девяти лет Дон был маленьким и тщедушным, имел вздёрнутый носик и трогательные карие глаза и поэтому выглядел так, будто и мухи не обидит, втайне я побаивалась его. Из его уст вылетали исключительно взрослые сентенции. Усиливало этот эффект то, что изрекал он их звонким детским голоском с очаровательным швейцарским прононсом, к тому же слегка шепелявя. У него была странная привычка в разговоре называть людей исключительно по имени и фамилии. Иногда он добавлял место жительства, возраст и другие характеристики.

Это звучало примерно так: «Фанни Функе, семнадцать лет, из Ахима под Бременом, у тебя на колготках пошла стрелка».

В этом было нечто угрожающее, как в кино про мафию, когда кто-то шепнёт: «Мы знаем, где ты живёшь!», а потом

подложит соответствующему персонажу отрубленную лошадиную голову. И это в лучшем случае.

Дон и его родители были завсегдатаями отеля, и Дон знал в нём каждый уголок. Целыми днями мальчик обычно шатался по отелю, подслушивая разговоры и устраивая окружающим пакости. При этом он вёл себя так, словно являлся единоличным владельцем отеля и всех, кто в нём находился, будь то гости или сотрудники, и от этого становилось неуютно. Я не сомневалась, что он изучил личные дела персонала, тем не менее в том, что он запоминал решительно всё, поистине было что-то дьявольское. Дон предпочитал слоняться там, куда не допускали постояльцев, но из-за того, что он был таким маленьким и славным, ему редко за это попадало.

Тех, кого не очаровывала его мимимишная внешность, напоминавшая оленёнка Бэмби, Дон вводил в замешательство, обращаясь по имени и фамилии. При этом мимоходом упоминал имя своего отца, богача Дона Буркхардта-старшего, и то, что он водил дружбу с одним из братьев Монфор, которым, собственно, и принадлежал отель. Во всяком случае, со мной мальчик поступал именно так. И хотя я прилагала значительные усилия, эти мафиозные методы приносили свои плоды. Не далее как позавчера я застала Дона, когда он вытирал вымазанные в шоколаде пальцы о вышитые бархатные портьеры в маленьком вестибюле на третьем этаже.

Он делал это вдумчиво и тщательно. На мой негодующий вопль «оленёнок» улыбнулся с осознанием собственного превосходства.

– О, недоучка Фанни Функе из Ахима под Бременом, похоже, любит безвкусные занавески!

Я возмутилась ещё больше: все портьеры и подушки на этаже были сшиты из замечательного тёмно-красного бархата, расшитого матово-золотыми птицами и цветочными гирляндами. Если осторожно погладить эту ткань

кончиками пальцев, казалось, что портьера гладит тебя в ответ.

Даже неспециалисту было понятно, что они дорогушие, пусть даже за давностью лет бархат слегка выцвел.

– И вообще, разве в твои обязанности не входит поддерживать чистоту и порядок в отеле, горничная-практикантка Фанни Функе с дурацкими веснушками? – спросил Дон. Дело в том, что позавчера меня ещё не определили в няни, тогда я находилась в ведении службы уборки номеров.

– Как ты думаешь, какую сумму мой отец потратит в отеле в этом году? И как ты полагаешь, кто скорее вылетит отсюда – ты или я? На твоём месте я бы порадовался, что портьеры испачканы шоколадом, а не чем-нибудь похуже, и постарался бы побыстрее отчистить пятна прежде, чем фрейлейн Мюллер снова соизволит устроить тебе нагоняй. (Откуда он только брал подобные выражения? Даже моя бабушка таких не употребляла!)

– На твоём месте я бы поскорее убралась отсюда, чтобы не получить метёлкой по попе! – запальчиво воскликнула я, а Дон с торжествующей ухмылкой неторопливо направился прочь. Гостиничной кастелянши фрейлейн Мюллер я боялась больше, чем его. И, оттирая щёткой шоколадное пятно с бархатной портьеры, я действительно ощущала в некотором роде благодарность за то, что отчищать пришлось шоколад, а не что-нибудь похуже.

– Кое-кому из нас сейчас точно влетит, – теперь заявил Дон, в очередной раз лизнув мороженое. – Ты флиртовала с Яромиром Новаком, тридцати восьми лет, с усами, вместо того чтобы смотреть за детьми. Я могу это засвидетельствовать.

– Ничего не флиртовала! – немедленно возразила я. – Я просто быстренько помогла Яромиру распутать ёлочную гирлянду. Это входит в круг моих обязанностей.

В конце концов, в этом отеле я была не только няней. В перечне обязанностей гостиничной практикантки,

которые я выполняла, значилось выражение «девочка на побегушках» и «универсальная занятость».

Дон покачал головой:

– Ты улыбнулась, заправила за ухо прядь волос и откинула голову назад. Всё это жесты, призванные привлечь внимание противоположного пола в брачный период.

– Чушь какая! – гневно сказала я. – Яромир для меня слишком стар, а ещё у него в Чехии жена и дети, которых он очень любит. – Даже если бы он был на двадцать лет моложе и не женат, я бы всё равно ни за что не стала с ним флиртовать. Я вообще никогда не флиртую. Меня бросало в дрожь от самого слова «флирт». Фу!.. – И вообще... – Я захлопнула рот.

Дон даже не пытался скрыть злорадство, пока я с возмущением оправдывалась. Это ясно доказывало, что я принимала его слова всерьёз. А ведь именно этого я ни в коем случае не хотела ему демонстрировать.

– Ну так что? Ты видел, куда побежали близнецы? – угрюмо спросила я.

Дон немедленно изменил тактику:

– Я даже знаю, где они спрятались. – Он одарил меня доверчивым взглядом, обаянию которого позавидовал бы диснеевский Бэмби. – Я открою тебе этот секрет, если ты попросишь как следует.

– Пожалуйста, – попросила я, понимая, что это ничего не даст.

– Скажи: «Пожалуйста, дорогой Дон», – потребовал мальчишка.

– Пожалуйста, дорогой Дон, – повторила я скрепя сердце.

Дон снова расхохотался:

– Я открою другой секрет – секрет, почему из тебя никогда не выйдет няня! У тебя просто недостаточно педагогического авторитета. Дети это чувствуют.

– А я открою тебе секрет, почему у тебя нет друзей. У тебя просто недостаточно умения вызывать симпатию! – Слова вырвались у меня прежде, чем я успела осознать, насколько жестокими они были.

Устыдившись, я прикусила губу. Наверное, из меня действительно никогда не выйдет няня. Помимо того, что я потеряла двоих шестилеток, выпустив их из виду всего на секундочку, я ещё и унизила мальчика с глазами Бэмби. При этом место практикантки в отеле мне, вероятно, досталось потому, что я похвасталась своим умением обращаться с детьми. Немаловажную роль сыграло то, что у меня было два младших брата.

– Ой!

Дон подставил мне ногу, и я чуть не грохнулась в снег, но как-то удержалась на ногах и поспешила отойти от него. Тоже мне «милые малютки»! Нет уж, дети – это худшее из зол! Но ничего не поделаешь: двух таких милых малюток мне нужно было найти как можно скорее, а третьего я решила отныне просто игнорировать.

– Ма-альчики! Э-эй! – Я старалась, чтобы мой голос звучал весело и непринуждённо, как будто мы просто играем в прятки. Ни звука. А ведь до этого они тараторили без умолку и по-идиотски рифмовали всё подряд. Как их там звать-то? Ультрамодные имена в английском стиле, что-то вроде... – Джош, Эшли! Куда вы подевались? Вы не хотите доделать снеговика? Я принесла отличную морковку, чтобы сделать ему нос!

Дон снова ехидно захихикал:

– Ты даже не в состоянии запомнить, как их зовут, неудачница Фанни. Засунь себе свою морковку знаешь куда? Ничего у тебя не выйдет!

Я притворилась, что не слышу его. Сдаваться я не собиралась. За последние три месяца я и не с таким справлялась. В конце концов, всё было не так плохо, как казалось на первый взгляд. Мне поручили поиграть с близнецами Бауэр

(как их там? Лэреми? Джейсон?) на свежем воздухе, чтобы их родители могли спокойно собрать вещи и расплатиться в отеле. Если вдуматься, именно этим я и занималась. А теперь эти проклятые дети, несомненно, развлекались на полную катушку, потому что им удалось сбежать и спрятаться. На свежем воздухе.

– Известно ли тебе, что такое нарушение обязанностей надзора за несовершеннолетними, будущая практикантка Фанни Функе? – Дон в очередной раз лизнул мороженое. – Надеюсь, у тебя хорошая страховка? На твоём месте я бы молил Бога о том, чтобы близнецы не угодили в какую-нибудь расщелину в леднике. Если сейчас пойдёт снег и всё заметёт, поисковые собаки не смогут даже взять след.

Усилием воли я подавила в себе желание заткнуть уши пальцами. Этот ребёнок являлся не иначе как самим дьяволом. Насколько я знала, поблизости от отеля не было никаких расщелин. Тем не менее мой голос теперь прозвучал вымученно и пронзительно, так что это заметила даже я:

– Вы не хотите погладить на прощание белочку?

– Они на это не купятся. – Дон щелчком запустил стаканчик с недоеденным мороженым в снег. – Так уж и быть, я помогу тебе. Они побежали вон туда. – Он махнул рукой в сторону нового катка, который старик Штукки и Яромир недавно соорудили рядом со старинной каруселью. – Думаю, они спрятались в подвале, где стоят лыжи.

Вместо того чтобы отправиться туда, куда показывал Дон, я решительно зашагала в противоположном направлении. И – удача! Пройдя всего пару метров, я услышала сдавленное хихиканье и увидела, как закачалась ветка огромной Полумесячной ели, которую Яромир и старик Штукки, рискуя жизнью, в ноябре украсили ёлочными гирляндами. Рискнул жизнью, собственно, только Яромир, а Штукки держал лестницу. Полумесячной ель прозвали из-за того, что гирлянды на ней висели в форме полумесяца, причём

только на ветках, обращённых к отелю. Я слышала, что эти гирлянды купили лет тридцать назад, но так как деревья имеют обыкновение расти (а ель за это время тоже изрядно увеличилась в размерах), то гирлянд теперь хватало лишь на половину ели. Поэтому по вечерам её половина сверкала и переливалась огнями, подмигивая окнам отеля. Ветви же, обращённые к долине, сливались с ночным небом: на них не было ни огонька. Полумесячная ель знаменовала собой границу между ухоженным ландшафтом вокруг отеля и дикой природой. Хотя сейчас разницы между тем и другим не было. Всё скрывало толстое снежное покрывало.

Под елью было очень удобно прятаться, если ты метр двадцать ростом. Её переплетённые ветви доставали до самой земли. Вероятно, под ними находилась мягкая и сухая подстилка из мха и еловых иголок, потому что туда не проникал снег. Чтобы не спугнуть детей, я направилась не прямо к ели, а решила пойти в обход.

– Хитрюги близнецы Бауэр – большие мастера прятаться, – сказала я, повысив голос. – Эх, как же жалко, что я не могу найти их и показать сюрприз, который я им приготовила! И этот сюрприз имеет отношение к белочкам... и ещё кое к чему...

Под ёлкой зашушукались. Я не смогла сдержать усмешку. Но радость моя длилась недолго.

– Не дайте себя провести, Джейден и Эш Бауэр из Лимбурга-на-Лане! – крикнул Дон прямо у меня за спиной. Он таки слез с насиженного места на санях и отправился портить мне жизнь дальше. – Нет у неё для вас никакого сюрприза. И белки тоже нет. Она просто хочет поймать вас, испортить вам всё удовольствие и сдать родителям, и вам придётся ехать домой! Бегите!

– У Джейдена и Эша хватит мозгов не обращать внимания на то, что там лопочет глупый Дон, – с надеждой возразила я.

Но дети уже вылезли из-под ёлки и с криками и смехом понеслись через парковку.

Дон одобрительно заплодировал. Мне оставалось только броситься следом. К сожалению, мои подопечные со всех ног помчались прочь от отеля в сторону шоссе. Они перемахнули через кучу грязного снега и льда на краю парковки, пересекли подъездную дорожку и на другой её стороне снова перелезли через снежную стену.

– Стойте! Там очень опасно! – заорала я, карабкаясь за ними.

Там действительно было опасно. Хотя по шоссе ездили редко, – оно было проложено только до отеля, – чёрный асфальтовый серпантин петлял по горе, круто спускаясь в долину. Поросший же елями склон, по которому шоссе змеилось туда-сюда, был практически отвесным, и именно по нему безудержно хохотавшие дети и собрались спускаться. Словно обезьянки, они ловко хватались за нависавшие над их головами ветки, спускаясь всё ниже и ниже.

Ледяной наст на склоне, многократно подтаивавший и снова замерзавший, похоже, выдерживал близнецов, но не меня. При каждом шаге я с треском проваливалась по колено или глубже, как будто я пыталась пройти по запечённой карамельной корочке на огромной миске с крем-брюле.

– Стойте! – в ужасе закричала я. – Пожалуйста, стойте!

– Стойте, стойте, успокойтесь, руки мойте, ноги мойте! – весело загорланили в ответ близнецы.

Дон был прав: никакого авторитета у меня не было и в помине. Тем временем дети уже добрались до следующего витка шоссе и снова перелезли через его край, готовясь продолжить путь вниз по склону.

– Немедленно остановитесь! – Я торопливо вытащила ногу из особенно глубокой дыры в снегу и попыталась шагать шире. – Здесь водятся... медведи!

– Мишки – врушки и воришки, мишки – глупые трусишки... Ой!..

Один из близнецов не удержался на ногах и поскользнулся, съехал вниз и со всего маху врезался в ближайшее дерево, заливаясь при этом хохотом. Его братцу всё это так понравилось, что он сел на снег и последовал его примеру, заскользив вниз.

– Не делайте этого! – в ужасе закричала я, в красках представив себе, как дети, набирая скорость, летят вниз по склону, пока не сломают себе шеи, налетев на дерево, либо пока не попадут под машину в том месте, где шоссе становится более оживлённым.

Мне казалось, что я уже слышу рёв мотора, поэтому, собрав волю в кулак, я прибавила скорость. Вдруг я сама потеряла равновесие и шлёпнулась животом на снег, немедленно превратившись в человеческий аналог санок для бобслея. Я была тяжёлая, а моё зимнее пальто было сшито из гладкой ткани, поэтому я покатила вниз по снежному склону, не в силах затормозить. Я судорожно растопырила руки, вопя во всё горло: «Не-е-е-е-ет!..» Ничего, кроме этого, мне в голову не пришло. Я пулей пронеслась мимо близнецов, перелетела через сугроб на очередной виток шоссе и упала прямо на середину дороги. Всё это произошло за считанные секунды, так что передо мной даже не успела пронестись моя молодая и, прямо скажем, довольно бесцельная жизнь.

За мной через снежный бортик по краю шоссе перелетели дети. Надо сказать, из нас получилась живописная куча-мала. Близнецы по-прежнему заливались хохотом, из чего я заключила, что они не ушиблись. Что касается меня, я не была так уж уверена, что падение обошлось без повреждений. Однако, прежде чем успела проверить, осталась ли в живых, я услышала пронзительный визг тормозов, а сразу после этого – взволнованный голос:

– Вы что, совсем с ума сошли?! Я же вас чуть не задавил!

Отодвинув в сторону ногу одного из близнецов, я попыталась поднять голову. В метре от нас находился бампер

тёмно-зелёной легковушки с цюрихским номером. Дверца машины была широко распахнута. Её водитель, юноша чуть старше меня, возвышался теперь прямо над нами. Он был до смерти напуган (и я его отлично понимала).

От пережитого потрясения меня затрясло так, что зубы начали выбивать дробь. Ещё бы чуть-чуть – и всё!

– Кому-то нужна помощь? – спросил юноша.

Кряхтя, я поднялась на ноги, обнаружив при этом, что мои руки-ноги в порядке. Посадка оказалась жёсткой, но благодаря пальто на пуховой подкладке и толстым перчаткам я ничего себе не содрала и не сломала.

– Вроде бы нет, – ответила я, одновременно бегло осматривая близнецов.

Крови нигде не было видно, вывихнутых суставов – тоже. Глаза мальчишек сияли, на щеках красовался румянец. Типичные счастливые дети!

– Ещё раз! – завопили типичные счастливые дети. – Было так здорово!

На всякий случай я покрепче ухватила их за капюшоны курток, которые, слава богу, как ни странно, остались белоснежными.

– То, что вы устроили, было крайне глупо и опасно, – отчеканил юноша. – Вы могли погибнуть!

– Что верно, то верно! Вы совершенно правы, – выдавила я, продолжая стучать зубами. – Мне правда очень жаль. Понимаете, если на этом склоне поскользнёшься, то практически невозможно остановиться...

– Я тоже был бы виноват, – перебил юноша. Похоже, он меня даже не слушал и говорил скорее сам с собой. Он мрачно уставился в пространство: – Меня бы судили, а все свидетели были бы мертвы, потом приговорили бы к тюремному заключению, отобрали бы водительские права, и мой отец... – Тут он содрогнулся и замолчал.

Я откашлялась:

– Так что, наверное, стоит просто порадоваться тому, что все мы остались живы! – Озноб, кажется, утих, и я неуверенно улыбнулась. Мне хотелось положить ему руку на плечо, чтобы отвлечь от мрачной картины, которую он себе вообразил, но я боялась отпустить детей. – Честное слово, мне страшно жаль, что мы тебя так напугали... Ты не мог бы быть столь любезен и подвезти нас на машине наверх, к отелю? Ты ведь туда ехал, верно?

Конечно, он ехал туда: здесь, наверху, больше ничего не было. Вероятно, он был одним из тех шести дополнительных сотрудников, которых наняли для работы в ресторане на рождественские каникулы.

– Вы – гости из Германии, да?

– Да, ква, тра-ля-ля, тра-та-та, каля-маля, – ответил Эш. (Или это был Джейден?.. Выглядели они совершенно одинаково.)

Юноша кивнул, как будто это всё объясняло, и открыл задние дверцы, чтобы близнецы могли запрыгнуть в машину. На всякий случай я продолжала держать мальчишек за капюшоны и выпустила их только после того, как прочно пристегнула детей ремнями безопасности.

– Кажется, всё! – Я с облегчением захлопнула дверцу, благодарно улыбнувшись юноше. – Блокировка задних дверей – лучшее, что изобрели со времён печатного станка!

– Твои братья часто удирают от тебя, да?

– Ой, нет, это совсем не мои братья. Я не живу в отеле, я прохожу здесь годовую практику и сегодня первый день работаю няней. – Я рассмеялась: – Не лучшее начало, как можно заметить! К детям меня лучше не подпускать. Честно говоря, мне даже в прачечной больше понравилось, хотя в первый же день я обожглась о бельевой каток и сделала подпалину на салфетке с монограммой. – Обычно я не болтаю без умолку с незнакомцами. Наверное, сказался пережитый стресс и восторг от того, что я осталась в живых.

И потом, юноша почему-то необъяснимым образом вызывал у меня доверие. – Только, пожалуйста, не рассказывай никому, что, пока я гуляла с детьми, они чуть не попали под машину, ладно? Иначе меня уволят. – Я сняла перчатку и протянула юноше руку: – Кстати, я Фанни. Фанни Функе. – И чуть не добавила на автомате «недоучка из Ахима под Бременом» (болтовня Дона Буркхардта-младшего, очевидно, пагубно влияла на меня).

– Бен. – Юноша пожал мне руку. Кажется, моё чириканье немного привело его в себя, и он улыбнулся: – Бен Монфор.

– Как забавно! – заявила я. – Фамилия владельцев отеля тоже Монфор. Роман и Рудольф Монфоры. Они братья... О господи боже мой! Я обескураженно витаращилась на него:

– Пожалуйста, скажи мне, что ты не их родственник!

Бен смущённо развёл руками:

– Мне очень жаль...